

Татьяна КОРШИЛОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭВРИДИКИ

В ЧАС перед рассветом на мокрой от росы траве танцуют босонogie Эвридики и исчезают с первыми лучами солнца...

Такою была звездная песня Анны Герман, впервые в жизни написанная специально для нее самой К. Гертнер, одним из почитаемых польских композиторов. «Танцующие Эвридики» провели четкую грань в судьбе героини нашего рассказа.

Было нелегкое военное детство в среднеазиатском городе Ургенч. Было долгожданное возвращение в Польшу в срок шестом... Годы учебы — геологический факультет Вроцлавского университета. Был, наконец, студенческий театр «Каламбур», один из тех, что, как грибы после дождя, возникали повсюду в Польше в 50-е годы. В «Каламбуре» Анна Герман веселилась всю, выступала со смешными скетчами, забавными переодеваниями. Нарядилась в костюм Дон Кихота, бесечно демонстрируя необозримые юмористические возможности своего роста. Несколько лет спустя, на последних курсах университета, попробовала запеть. Просто так, не придавая тому особого значения, не теряясь лаврами суперзвезд. И вот здесь-то подоспело знакомство с Катажиной Гертнер. Подоспело как нельзя более кстати, ибо юная «геологиня» уже всерьез помышляла о Сопоте, снисходительно озирая скептические улыбки с высоты своего роста... Вот он, счастливый, изумительный час торжества! Огромный зал Сопота раскалывается от аплодисментов, под которые Анна Герман присуждается первая премия и Золотая медаль...

Анна Герман ознаменовала окончание геологического факультета премией международного эстрадного фестиваля. Выбор между профессиями был сделан, и певица отправилась в свои первые зарубежные гастроли. Собственно, их трудно считать зарубежными — новая звезда польской эстрады приехала в страну, где прошло ее детство. Короче говоря, к нам.

Выпустив в СССР первую свою пластинку, Анна Герман устремляется в гастрольные туры — Чехословакия, Англия, США, Канада. Отдельно в гастрольном списке — Италия. Потому что здесь совершился второй перелом в жизни певицы.

С Италией связано у нее многое. Концерты в Милане принесли ей на редкость приятный приз — «Оскар-Симпаты». В Неаполе ее приветствовали стоя, благодаря за блистательную программу неаполитанских песен. Кто мог знать, что на одной из итальянских дорог притаилась беда? Автомобильная катастрофа знаменовала третий, самый драматичный период жизни певицы, и длился он многим дольше тех трех лет, что она провела в больничной палате.

Немало написано о мужестве Анны Герман. О несокрушимой человеческой воле, которую нельзя победить. И еще о том, что она не была одинокой в борьбе. Три года шли к ней письма. Писали те, кто видел и слышал ее. И те, кто не знал о ней ничего, кроме того, что человек в беде. Не удивительно, что множество писем пришло из нашей страны, где всегда мгновенно и остро отзываются на чужое го-

ре. Где считают, что чужого горя не бывает. Ей писали, что она прекрасна и всегда будет прекрасной.

Там же, в больнице, она начала писать книгу — по ее словам, «нечто вроде открытого письма моим слушателям». Эта книга еще не издавалась у нас. Мне рассказывал о ней переводивший ее журналист Александр Жигарев. Анна Герман назвала книгу «Вернусь в Сорренто!». И после вопросительного знака твердо вывела восклицательный. Она исповедовалась в своих чувствах и одновременно глубже постигала их.

Известная польская поэтесса Алиция Новак прислала ей в больницу цикл стихов. Одно из них, «Человеческая судьба», особенно взволновало Анну Герман. Родился новый цикл песен под общим названием «Человеческая судьба». Жизнь продолжалась.

Когда Анна Герман вышла из больницы, она уже могла петь. Правда, совсем немного, только для друзей. Окрепнув, сумела записать первую после долгой болезни пластинку. (Как часто в ее биографии звучит слово «первый»!) Назвала диск «Человеческая судьба». Нельзя сказать, чтоб этот диск мгновенно разошелся: все-таки время сделало свое дело. На польской эстраде блистала уже неистовая Марыля Родович с ее огненным темпераментом. Эва Демарчик собирала полные залы звонкими балладами на стихи польских классиков. Толпы поклонниц рвали друг у друга автографы Чеслава Немена и Анджея Домбровского. Длинные «Скалды» разносили по городам ликующие ритмы бит-музыки... При чем здесь Анна Герман с ее лирикой, женственностью и струящимся от нее чувством покоя? Она стала размышлять, как жить дальше. А если совсем откровенно — испугалась. Испугалась, что устареет, кончиться, не выдержит конкуренции. Ведь только молодость и красота всегда правы на эстраде!

Не без труда сделала она тогда передачу на польском ТВ. Как же она волновалась, наверное, когда ее «Две Анны» вышли в эфир! Ведь там она с великопленной честностью поставила вопрос: я нужна? Если нужна, то какая? В модификации Родович? В стиле Маттея? Вторая часть вопроса кажется, пожалуй, немного наивной. Как будто она смогла бы работать под кого-то!

Но вопрос был поставлен. В «Двух Аннах» она добросовестно спела несколько песен в новой манере, а в той, что принесла ей славу, исполнила «Аве Мария» Шуберта, несколько арий А. Скарлатти и свои любимые песни. Программу показали не только в Польше, но и у нас. Зрители ответили ей единогласно: быть. И быть собой.

Анна Герман вернулась на большую эстраду. Не просто и не быстро. Ей в то время до разреза нужна была дружеская поддержка, ей необходима была любовь — и она снова приехала к нам. Эти гастроли принесли ей успех, далеко превзошедший предыдущий. На ее концертах творилось что-то невообразимое — массовое объяснение в любви. В Москве ее пригласили на телевидение снять сольную про-

Анна ГЕРМАН.

грамму. Здесь я увидела ее впервые и запомнила навсегда.

Идет съемка... Нервные, напряженные часы, слепящий свет софитов. Свет, от которого перед глазами расходятся радужные круги и все окружающее колеблется, как отражение в воде. Анна Герман сидит одна, в стороне — на площадке — проверяют камеры. Она сидит на каком-то случайном стуле, сидеть ей неудобно: она беременна, и это уже довольно заметно — не только по фигуре, но и по глубоким теням под глазами, заострившемуся профилю. Большие руки уронены на колени, глаза полуприкрыты. Вокруг нее крохотный островок минутного покоя. Режиссер Мариэтта Рудина возникает в этом заповедном месте и с извиняющейся улыбкой, коснувшись локтя Герман, негромко говорит: «Пани Анна, нам осталось совсем немного». Та встает, и я вижу, как ей это нелегко. Медленными крупными шагами пересекает студию — туда, в самый центр света, средоточие ослепительных лучей. И устремляет в объектив камеры взгляд, полный такого живого тепла, такой дух захватывающей доброты и прелесть, что на него невозможно не ответить. Улыбается: «Я спою вам песню, которую я написала на стихи Горация. Стихи эти живут на свете более двух тысяч лет, ибо они — о нас. Мы рождаемся, живем, умираем. Но не надо грустить о смерти. Надо радоваться, что мы не бессмертные боги, а люди, которым дано прожить свою жизнь горячо и полно... Радуйтесь жизни!» Анна Герман бросает украдкой тоскливый взгляд в сторону стула, олицетворяющего сейчас все земные блага, и спокойно отвечает: «Я готова!» Она будет петь ровно столько, сколько нужно, для того чтобы все получилось хорошо. Петь, не прибегая к спасительной помощи фонограмм. Петь, зная, что спустя два часа после изнурительной съемки у нее сольный концерт в огромном, до отказа заполненном зале.

Потом наступит час концерта. Священная минута выхода на сцену. Она появится перед зрителями, свежая и веселая, как апрельский полдень. Голос будет литься так же легко, как всегда, навевая сходство с чистым родником. Она споет все то, что любит ее слушатели, — и «Эвридики», и «Цыганерию», и «Гори, гори, моя звезда!», и «Мой бубен», и чудесные мелодичные польские песни. И обязательно — пахматовскую «Надежду». Она лучше многих живущих на земле знает, что такое надежда и удача, которая — «награда за смелость».

На окраине Варшавы в странно маленькой квартирке вместе с мужем архитектором и годовалым Збышко живет женщина, единственная в своем роде. Кавалер высокого польского ордена «Золотой крест республики», «посол советской песни», «первая звезда польской эстрады» и просто мужественный и добрый человек. Живет живая, из плоти и крови Эвридика...